

Кадетское письмо

№ 92. Буэнос-Айрес, июнь 2016

День святых Константина и Елены

(Корпусной праздник Крымского кадетского корпуса)

Важнейшей задачей истории является осмысление того, что полно смысла (Sinndeutung des Sinnvollen), а не придание смысла бессмысленному (Sinnggebung des Sinnlosen).

[Голландский философ **Йохан Хейзинга** (Johan Huizinga). Из обращения к историкам в 1927 году.]

Первый возвеститель человеческих прав

21 мая по православному стилю, 3 июня по современному западному стилю, Православная церковь отмечает день святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены. Это большой христианский вселенский праздник. Император Константин Великий не только прекратил гонения на христиан в древней Римской Империи и созвал Первый Вселенский собор в 325 году в Никее, но и учредил новый основополагающий цивилизационный принцип свободного исповедания религиозных верований: **«В вопросах веры, каждый должен следовать велениям своего сердца.»** Это было первым в истории провозглашением человеческих прав.

На Руси святые Константин и Елена пользовались особенным почитанием и были прообразом **хороших правителей в рамках хорошего политического строя**, в согласии с Шестой Новелой императора Юстиниана Великого, обыкновенно называемой «Законом о симфонии». Согласно этому конституционному принципу, хороший, сиречь легитимный, государственный строй должен быть **«правильным и порядочным»** (по-латыни: «*recte et decenter*»), а по-гречески: «*орфос те ке просиконтос*»), а сами правители должны быть **порядочными и компетентными** (*decenter et competenter*). Терминология этого конституционного закона в основном заимствована из определений Платона и Аристотеля, согласно которым, в хорошем политическом режиме должны преобладать политические начала монархии, аристократии или республики, но не тирании, олигархии или демократии.

В Русской эмиграции этот день Святого Равноапостольного Царя Константина и матери его Царицы Елены имел также и общественное значение, ибо он был **корпусным праздником Крымского кадетского корпуса** и шефским праздником Первого Русского

Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Выпускники этих кадетских корпусов играли не малую роль в общественной жизни в большинстве стран рассеяния Русской Эмиграции, особенно после Второй Мировой войны.

Кадетское Объединение в Аргентине считало этот праздник своим и отмечала его торжественно и публично. Председатели и большинство членов Правления Аргентинского Объединения были крымскими кадетами до начала 90-ых годов прошлого столетия, как и в некоторых других кадетских объединениях. Одновременно, этот праздник отмечали и остальные Кадетские Объединения и кадеты-одиночки в Русском Зарубежье.

Один из источников нашей шкалы ценностей

По своему глубокому замыслу, подобные годовые праздники учреждены, главным образом, для того, чтобы возобновлять в памяти те или иные определенные принципы, убеждения и концепции, тесно связанные с отмечающейся датой. Значит, суть таких торжеств не заключается только в одном воспоминании «давно минувших лет», а в **напоминании** определенной **программы**, продолжающей быть актуальной и являющейся **инструкцией** (меморандумом) для будущего. Если история является учительницей жизни, как говорили древние римляне, очевидно, что современные воспоминания прошлого на самом деле направлены на будущее.

В данном конкретном случае, кроме всего прочего, можно провести некоторую параллель между временами святых царей Константина и Елены и нашей современностью. Тогда, как и сегодня, цивилизованный мир находился на распутье. Римская Империя, приблизительно с середины 3-го века после Р. Х., вступила в окончательный всеобщий кризис, вызванный не только тогдашним устремлением варваров на территорию тогдашней цивилизации, но также, главным образом, и глубоким **нравственным разложением** самой этой цивилизации.

Интересно, что именно с этого момента в Империи начинается период царствования военных императоров, уроженцев тогдашней Иллирии, чья территория совпадала приблизительно с территорией бывшей Югославии. Самым известным из них был император Диоклетиан, чей дворец в городе Сплите, в Далмации, сохранился частично до сих пор. Он предпринял титанические усилия, чтобы преодолеть надвигающийся коллапс Империи, прибегая для этого, в первую очередь, к глубоким политическим и административным перестройкам. Перестройки же всегда являются бесплодным **эрзацем подлинного возрождения**. Сам Диоклетиан, по-видимому, чувствовал недостаточность своих административных перестроек, а посему он и обрушился со страшными гонениями на христиан, видя в них угрозу для старой языческой римской религии, каковая тогда уже перестала быть фундаментом Римской Республики (Государства). Римская языческая религия давно уже изжила сама себя, растворившись в нескончаемом потоке разнообразных языческих верований, нахлынувших и затопивших полностью Рим, так что спасти государство с её помощью было невозможно. Христианство не было причиной смерти этих уже умерших верований, а целебной им сменой для новой жизни и надеждой для преображения общества и государства.

Диоклетиан разделит административно Империю на две половины, каждую со своим императором, с титулом августа, а затем каждую половину еще раз разделит пополам, поставив во главе вторых половин подсобных императоров с титулом кесаря. Кесарем, то есть подсобным императором, в западной части Римской Империи стал Констанций Хлор, отец Константина Великого, со столицей в рейнском городе Треверис, сегодня Трир. В 305 году Диоклетиан и его август-коллега Максимилиан подали в отставку и удалились на покой (Диоклетиан в город Сплит). Их заменили Галерий и Констанций Хлор. В 306 году Констанций Хлор умер, и его место заступил его сын Константин, родившийся в городе Нише, на юге Сербии. Вскоре стало очевидным, что от этих перестроек положение в Империи отнюдь не улучшилось. Наоборот, оно еще более усложнилось, из-за созданной системы «четверовластия» (так называемой «тетрархии»). Наступил период перманентной

гражданской войны между «тетрархами», предел каковой был положен триумфом Христианства, через триумф Константина Великого.

Константин Великий поначалу занялся благоустройством своей германской территории, следы каковой деятельности, по крайней мере в области архитектуры, сохранились частично и по сей день в Трире. Однако, как и все великие гении истории, он вскоре убедился, что подлинное спасение не в административных и не в политических манипуляциях, а в нахождении новых широких путей в будущее.

Первым таким путем был возврат к единоначалию, сиречь **к подлинной монархии**, и к восстановлению единства в империи. Если императорская власть до этого и была абсолютной в области управления, все же она не зиждилась на принципе **верховой власти**. Учрежденная во времена Августа империя не была настоящей монархией, а пожизненной **диктатурой**. Высшая власть самого Августа определялась римскими республиканскими титулами диктатора и народного трибуна, с одновременным присоединением и титула верховного жреца. В этом заключалось глубокое противоречие, ибо **чрезвычайная** диктатура была типичным кратковременным учреждением Римской Республики, как и должность народного трибуна, а не пожизненным, как титулы верховного жреца и монарха. Лишь во второй половине третьего века римские императоры начинают носить диадему, то есть царскую корону, но при этом они одновременно начинают величать сами себя на своих монетах также и «богами». Для христиан и для иудеев такое величание было абсолютно неприемлемым.

Рядом победоносных войн со своими соперниками, Константин Великий добивается единства верховной власти в Империи, практически ликвидируя для этого перестройки Диоклетиана. Он также понимает, что с инфляцией и с экономической разрухой нельзя бороться одними лишь бюрократическими запретами, как это пытался делать Диоклетиан. Константин Великий вводит новую золотую монету, «солидум», как средство солидного денежного обращения в Империи, просуществовавшую затем более семи веков после него.

Главным поворотом Константина в имперской политике было обращение его взора к единственному здоровым элементом, продолжавшим существовать и развиваться в его государстве, несмотря на всеобщие процессы распада. Этой сокровищницей благих начал в тогдашнем обществе, как и в нашем сегодняшнем, были Христианская Церковь и её учение. Христианские принципы и концепции были лучше остальных убеждений и норм поведения, господствовавших в тогдашнем обществе. Однако, численно христиане не преобладали в тогдашнем обществе. Христиане, по-видимому, представляли лишь немного более десяти процентов всего населения Империи. Причём, в городах христиан было больше, чем в деревне. Также и в вооруженных силах в процентном отношении их было больше, чем во всей Империи. Особенно много их было среди **лучших** элементов общества и армии.

Неписаная конституция Римского Государства с начала его существования основывала свою **легитимность на согласии государственных структур и государственной символики с народными верованиями**. Однако, несокрушимое развитие Христианства, несмотря на все гонения, выбивало из-под ног Римского Государства его прежнюю легитимность. Кроме того, если тогда и был «консенсус» для превращения императорской диктатуры в монархию, то «консенсус» для слияния фигур монарха и «божества» для значительной части населения был абсолютно невозможен. Подлинная историческая заслуга Константина Великого заключается в том, что он ясно увидел необходимость **разделения** между этими двумя категориями: монарха и «божества», с упрочением первой категории и с ликвидацией второй. В таком разделении, затем подтвержденном отказом императора Феодосия Великого от титула верховного жреца, можно видеть корень православной доктрины **симфонии**, окончательно оформленной Святым Юстинианом Великим через двести лет, в 530 году.

Константин Великий имел видение Креста Господня с надписью «**Сим победиши**». Он мгновенно переименовал символику своего войска, выдвигая перед ним **новое Знамя** с изображением Креста. С этим победоносным Знаменем он побеждает, и с тех пор оно

становится Знаменем Христолюбивого Воинства Римской, Византийской и Российской империй. Больше того, именно это Знамя создает само Христолюбивое Воинство, как таковое. Вскоре это понятие фиксируется Святым Иоанном Златоустом в Христианской Литургии, во время которой возносятся моления за «Филохристу страту» (Христолюбивое воинство). Однако, было бы неправильно думать, что в результате воздвижения новой символики совершилось мгновенное преобразование Империи, из языческой в христианскую. Исторические процессы **никогда не бывают мгновенными**. Они всегда являются весьма длительными, и лишь отдельные вспышки на тех или иных поворотах этих процессов бывают мгновенными.

Константин Великий в 313 году даровал Христианской Церкви и христианам лишь **свободу** верования, исповедания и обладания имуществом **наравне с другими** верованиями. Это был лишь акт терпимости по отношению к Христианству, акт поистине великолепный, после всех предыдущих кровавых и жестоких гонений. Но процессы дальнейшего вырождения языческих элементов в тогдашней цивилизации продолжались еще долго. Коренная перемена заключалась в том, что процессы возрождения получили **свободу** для своего развития. Так, тогда началась **открытая** борьба между процессами **вырождения** и процессами **возрождения**, или, вернее, **процессами преображения**. Для окончательного триумфа христианского преображения тогдашнего Римского Государства понадобилось еще около 80 лет. Лишь в 391 году испанский император Феодосий Великий официально провозгласил в Константинополе Римскую Империю **христианским** государством, в результате чего он и отказался от титула верховного жреца.

За эти 80 лет произошло очень много знаменательных событий в истории человечества. Силы Ада, всегда умеющие поддерживать непрерывную **цепь провокаций** в истории человечества, на прекращение открытых гонений на Христианство ответили новым видом провокаций: ересями. В борьбе со страшной ересью арианства, снова ярко выделился Святой Константин. Еще даже не будучи крещённым, осенённый Свыше, он созвал в 325 году Первый Вселенский Собор в Никее, который он лично открыл, хотя затем официально и не присутствовал на нем. На этот Никейский Собор были приглашены также епископы и из соседних стран. Значит, это был не только имперский, но поистине **вселенский** Собор. Профессор А. В. Карташев считает, что это было первое проявление глобальной «вселенскости» в истории Человечества.

Несмотря на первоначальное арифметическое превосходство сторонников Ария на этом Соборе, Святой Константин помог вождям Православия одержать победу над ересью Ария, утверждением первой части Символа Веры, в котором определяется **единосущность** Сына Божия с Богом Отцом. Так утверждается **принцип соборности**, согласно которому Истина требует **соборного единодушного согласия**, ибо она преобладает над временными арифметическими подсчетами голосов. Сам Арий и последователи его ереси (занявшие левое крыло зала заседаний, став прообразом всех **левых** парламентских фракций) были преданы Никейским Собором анафеме. Одновременно, Никейский Собор утвердил принципы нового Христианского календаря, являющегося синтезом ветхозаветного еврейского лунного календаря с римско-египетским Юлианским солнечным календарем. Затем Святой Константин заверил подписи святых отцов Первого Вселенского Собора, полагая этим начало роли православных царей, как нотариусов Христианской Церкви. С этого момента, все церковные соборные постановления одновременно санкционировались и как государственные постановления. Согласно Льву Тихомирову, Константин Великий хорошо понял, что на месте Древнего Рима было невозможно установить в полном расцвете новый христианский дух. Так он решил построить **Новый Рим**, в будущем Константинополь, или по-славянски Царьград, который с 330 года становится столицей Римской Империи, а также и кафедрой Вселенского Патриарха, в чью юрисдикцию в 988 году вошла и наша Русь.

Сам Константин Великий, канонизированный Христианской Церковью, как равноапостольный, стал **прообразом** православных царей, в том числе и русских. Патриарх Иоасаф II Константинопольский, в соборной грамоте 1562 года, разрешает царю Ивану

Грозному **«быти и зватися царем законно и благочестиво; царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до океана: да будешь ты между царями как равноапостольный и славный Константин».**

Крестившись незадолго перед смертью, постигшей его в 337 году, Святой Константин оставил после себя еще окончательно не устоявшееся христианское государство. И в государстве, и в Церкви и после его смерти еще продолжалась борьба двух великих исторических процессов человечества: преобразования и вырождения. Были моменты колебания даже самого царя Константина, под упорным давлением сторонников Ария, но на этом гибельном пути неизменно вставала **спасительной преградой** анафема арианству и принцип соборности, а в государстве – его символика. Даже из самого царского рода вскоре восстал дерзкий Отступник, попытавшийся провозгласить торжество антихристианской реакции.

Реакция Юлиана Отступника была лишь первым звеном в цепи антихристианских реакций и провокаций в истории человечества. Но никакие реакции никогда не смогут окончательно победить стремление человека к своему собственному преобразению и преобразению человеческого общества. Необходимо лишь всегда помнить, что процессы преобразования, как и вырождения, всегда являются **длительными**. Ни окончательной победы, ни окончательного поражения здесь, на Земле, в этом веке, никогда не будет, вплоть до самого второго пришествия Господа Нашего Иисуса Христа. Поэтому, никогда не надо отчаиваться перед лицом тех или иных отступлений или даже поражений, ибо таковые являются всегда лишь временными, то есть всего лишь извилинами в общем ходе истории. Важно знать, где кому, **на чьей стороне**, надо стоять, и сознательно принимать участие в процессах положительных, одновременно сопротивляясь процессам отрицательным.

Праздник Крымского кадетского корпуса

В этом смысле и наши Кадетские Объединения в течение всех десятилетий их существования, были также и **трибунами** возрождения России, понимаемой нами как **православное государство**. В этом заключался всегда наш долг: верно стоять на своем месте, всегда принимая участие в положительных процессах возрождения нашей страны и принципиально отвергая всё преданное анафеме и все реакционные, отрицательные процессы, ведущие к вырождению.

В этом 2016 году исполняется 95-летие первого выпуска в Русском Зарубежье славного **Крымского кадетского корпуса**. Крымский кадетский корпус был учрежден приказом Верховного главнокомандующего Русской Армии генерала П. Н. Врангеля в 1919 году. Это был сводный корпус Владикавказского и Полтавского кадетских корпусов, прибывших 9 июня 1920 года в Крым. К ним были приписанны кадеты других российских кадетских корпусов, воевавших в составе Русской Армии. Приказом генерала Врангеля они были откомандированны с фронта Гражданской войны и направлены в Крымский кадетский корпус, иногда под конвоем, как и предыдущий председатель нашего Аргентинского кадетского объединения, георгиевский кавалер С. А. Якимович. (Будучи поначалу кадетом Киевского кадетского корпуса, он пошел добровольцем в Русскую Армию, под командованием генерала Врангеля. Закончив Крымский корпус в Изгнании, он поступил в Военное Училище Королевства С. Х. С. В чине майора Югославянской Армии, он был взят в плен немцами в 1941 году. Он просидел почти четыре года в немецком плену в Германии, а сразу после войны был включен во Французскую оккупационную армию в Германии, откуда затем демобилизовался в Аргентину).

В октябре 1920 года Крымский кадетский корпус был эвакуирован, через Царьград (Константинополь), в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, затем переименованное в Королевство Югославию, куда он прибыл в декабре 1920 года. В Крымском корпусе тогда было почти 650 кадет, из них около 230 ветеранов Гражданской войны, в том числе 40 георгиевских кавалеров, в семи классах, разделённых на 20 классных отделений и пять рот, под командованием 29 офицеров, при административном персонале в 8 человек.

Директором Крымского корпуса был генерал В. В. Римский-Корсаков, бывший директор Первого Московского кадетского корпуса. Занятия по классам начались в городе Стрнице, в Боснии, в январе 1921 года, а первый выпуск Крымского корпуса состоялся в октябре того же 1921 года. В 1922-ом году Крымский корпус был переведен в город Белая Церковь, на румынской границе, в две большие трёхэтажные казармы Королевства. В 1929 году Крымский корпус был закрыт, а оставшиеся к этому моменту в нём кадеты были влиты в Сводный Киевско-Одесский кадетский корпус, который после эвакуации в Королевство С. Х. С. в 1921 году был переименован в **Первый Русский кадетский корпус**, в котором затем учился и автор этой заметки. Однако, и после временного закрытия Крымского корпуса, крымские кадеты продолжали всегда и повсюду отмечать свой корпусной праздник в День святых Константина и Елены, 3 июня по новому стилю.

Аргентинское объединение, как было сказано, считало этот день своим праздником и тоже его всегда отмечало. Незадолго перед смертью предыдущего председателя нашего Аргентинского Объединения, крымского кадета С. А. Якимовича, в начале 90-х годов прошлого столетия, я ему обещал, что буду придерживаться в нашем Объединении этой традиции до самого конца. Настоящая заметка в «Кадетском письме» (основанном крымским кадетом А. Г. Денисенко, чей сын Г. А. Динесенко сегодня является председателем Кадетского Президиума немногочисленных оставшихся в живых русских зарубежных кадет) мною написана тоже в исполнение этого моего обещания.

На IV Общекадетском Съезде Открытого содружества суворовцев, нахимовцев, кадет России (ОС СНКР), состоявшемся в 2014 году в Хабаровске и Владивостоке, я предложил обратиться к надлежющим властям, чтобы **снова открыть славный Хабаровский кадетский корпус в Хабаровске и славный Крымский кадетский корпус в Крыму** и чтобы один из следующих Общекадетских съездов организовать в Крыму. +

И. Н. Андрушкевич

Уходили мы из Крыма

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Николай Туроверов (Франция, 1940 г.)

Письмо последнего русского белого эмигранта

Ростислав Владимирович Полчанинов родился в Новочеркасске 21 января 1919 года. Его отец был полковником Русской Армии. 96 лет тому назад, когда он был еще маленьким ребёнком, 16 ноября 1920 г. его семья была вынуждена эвакуироваться **из Крыма, из Севастополя**, и далее через Константинополь в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 — Югославия). В 1922 г. его семья поселились в Сараеве, где Ростислав Полчанинов посещал детский сад, окончил русскую начальную школу; затем учился в югославянской гимназии и завершил образование на юридическом факультете Белградского университета. Сегодня он является последним или одним из последних живых русских изгнанников из России в начале 20-х годов XX столетия. Он дожил до того дня, когда Крым и Севастополь снова стали русскими. Ниже мы публикуем полностью и без изменений его окружное пасхальное письмо, полученное нами на днях.

«Письмо друзьям № 65. Пасха 1 мая 2016 г.

Христос Воскресе! Дорогие друзья, примите мои сердечные поздравления со Светлым Праздником. Пусть Ваш дом всегда озаряет Свет Христов и пусть в Вашем доме будет мир, спокойствие и любовь.

Главным событием нового года был переезд 16 марта сына Володи ко мне на второй этаж, который пустовал. С одной стороны это было мне приятно, с другой стороны, переезд был связан с не очень приятными причинами. Из-за экономического кризиса в США, Володя, у которого была собственная фирма, потерял своего главного заказчика, которому он делал и рекламы, обертки и этикетки. Володя с трудом сводил концы с концами и в конце концов должен был продать свой дом, чтобы не платить более 10 000 долларов в год налогов на дом. У меня такой же налог, только мне как пенсионеру делается скидка. Хотя Володя оказался почти без работы, он не считается безработным, так как он не работал у кого-то, а был сам себе хозяином. Мой внук Юра тоже безработным не считается. Окончив факультет по кинематографу, он не смог найти работы, и он тогда закончил экономический факультет. Несмотря на два диплома, он работы так и не нашёл. Так как он никогда не работал, то и он не считается безработным. Таких безработных как Володя и Юра в США несколько миллионов, но в статистику они не попадают.

Экономическая война, которую начали США против России, разорила многих европейцев и стукнула по многим американцам. В конце этого года в США будут выборы президента и от этого зависят отношения США к России. Трамп предлагает для выхода из тупика примирение с Россией. От этих выборов зависит не только будущее США, но и всего мира

У демократов одна кандидатка – Хилари Клинтон. Она обещает сделать каждого американца счастливым, но говорят, что вряд ли она сумеет. Известно, что чтобы осчастливить мужа ей понадобилась помощь Моника Левинской. У республиканцев было 4 кандидата. Известный русофоб Марко Рубио не получил поддержки даже в своём родном штате Флориде, и он снял кандидатуру. Вторым кандидатом Джон Касич и третий Тед Круз решили помериться силами с Трампом. Выборы кандидата республиканцев состоялись в Нью-Йорке 19 апреля. Мила случайно узнала, что я числюсь в списках республиканцев и Мила с Юрой организовали мою поездку на избирательный участок. Там у меня взяла интервью корреспондентка Первого российского канала ТВ. Как никак, но не все 97-летние старики такие сознательные. На избирательном участке не хотели верить, что мне столько лет. Будет ли Трамп кандидатом от республиканцев или не будет, моя совесть чиста. Сделал всё что мог. Если Трамп не будет кандидатом в президенты, то на выборы я не пойду. Володя, который у республиканцев в списке тоже поехал голосовать за Трампа.

Начал писать третью книгу воспоминаний. Назвал её «Холодная война и русские в США» Написал о моём сотрудничестве в «Новом русском слове» и о моей встрече с Булатом Окуджавой и собираю по папкам воспоминания уже где-то ранее напечатанные. Мила их мне каким-то таинственным способом переводит в архив моего компьютера. Набралось уже

около 150 страниц. Ко мне всегда кто-то обращается с какими-нибудь вопросами. 21 апреля получил письмо от Неделька Жугича из Сараева с вопросом была ли в Сараеве русская церковь. Он работает в Первой интернет ТВ Боснии и Герцеговины и готовит материалы по этому вопросу. Он нашёл с Интернета мою статью на эту тему и попросил меня сообщить ему подробности. Я давно хотел переслать в Сараево свои воспоминания о жизни в Сараеве между двух войн, но ни русский посол, ни местный архив ни главная библиотека не проявили интереса и его просьба меня очень обрадовала. Видимо в архивах не сохранились документы. Я ему подробно обо всём написал, даже дал адрес нашей домово́й церкви. Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

Стал постоянным внештатным и бесплатным сотрудником еженедельной газеты «Русская жизнь». В США выходит много газет на русском языке, но это единственная, настоящая русская газета, к тому же после того как закрылось «Новое русское слово», и старейшая газета Русского зарубежья, выходящая с 1921 года. Думаю, что сегодня, в мои 97 лет, я стал старейшим русским журналистом. Был у врача, как полагается, на осмотре. Они там всегда что-то придумывают. На этот раз предложили ответить на Patient Health Questionnaire (PHQ-9), состоящий из 9 вопросов. Вот несколько из них:

Отсутствие интереса или удовольствия когда что-то делаю.

Грусть, депрессия, безнадежность.

Чувство, что не смог оправдать надежды.

Двигаюсь и говорю так медленно, что это люди замечают.

И последний вопрос: «Хотел бы умереть или кончить жизнь самоубийством».

На все вопросы ответил «нет», кроме одного:

«Чувствую себя усталым или что у меня мало энергии».

Это со мной бывает, и я ответил «да». Одним словом, не скучаю, а это для меня главное.

Ещё раз желаю всем всего наилучшего, Ваш **Р. Полчанинов**.»

(R. Polchaninov, 6 Baxter Ave, New Hyde Park, NY 11040, USA. rpolchaninov@verizon.net)

Севастополь

Когда входили в бухту крейсера,
когда отец легко сбегал по трапу,
мое взмывало детское "Ура!",
цепляя коршуна за бронзовую лапу
на обелиске в честь Погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
"Вальс Севастопольский" я пела всех слышней,
я подпевала морякам "Варяга".
От мамы знала, помнящей войну, –
нам никогда не подпоет Европа...
Царю тому на верность присягну,
кто возвратит России Севастополь!

Валентина Ефимовская (Санкт-Петербург, 2005 г.)

110 лет со дня рождения княжны Веры Константиновны

24 апреля сего года исполнилось 110 лет со дня рождения в Павловске княжны императорской крови Веры Константиновны, младшей дочери великого князя Константина Константиновича, главного начальника русских военно-учебных заведений и «отца всех кадет».

Е. И. В. Вера Константиновна была правнучкой императора Николая I и троюродной сестрой Царя Мученика. Она была старшей сестрой и покровительницей русских зарубежных кадет. Она скончалась 29 декабря 2000 года в Центре Толстовского Фонда под Нью-Йорком. Ниже публикуем воспоминания Т. И. Ганф, ухаживавшей за княжной в этом Центре.

Русская Вера

(Памяти княжны императорской крови Веры Константиновны)

В спальне княжны, крошечной комнатке, заставленной старой мебелью, было уютно. Обслуживать Веру Константиновну в такой тесноте было невозможно, поэтому ее перевезли в гостиную, а мне надо было привыкать к новому месту. Комод у входы был заставлен фотографиями, в том числе в металлических овальных ободках, скомпонованных на деревянной панели. Фотографии смутно виделись через стекло в зеркальной огранке. Над кроватью – иконостас, в том числе и современная писанная икона – мученицы Веры. Металлический образок, поврежденный сильным ударом, так что невозможно было разглядеть сам образ, ряд типографских иконок-открыток. Старинных дорогих икон не было, да и вся обстановка была самая простая. Было ясно, что хозяйка всего этого хранит только самое необходимое, памятное. На стене – рисунок в рамке: раненый, клонящийся на бок всадник на скачущем коне. Позже я поняла, что это – князь Олег, изображенный очевидцем этого боя. Здесь же акварельный, или гуашный рисунок угла дома с кустом, очевидно – уголок Осташево. На маленькой тумбе – молитвословы, зачитанные до дыр, с темными углами страниц...

Первое время наше общение было не столько друг с другом, сколько с болезнью, на которую пришлось ополчиться всеми способами. Прежде всего – утреннее молитвенное правило, которое я читала вслух, возжевав свечу из заветного ящика. Вспоминали святцы, доставали иконы святых, или открытки, изображения святых в книгах.

Но состояние больной не радовало: пролежни, малейшее изменение положения рук или ног приводило к застою крови, отекам, опасным покраснениям. Я решила выбросить все подушки и валики, что и было сделано. Целый день бедную, измученную болезнью женщину заставляла поворачиваться, приподниматься. Растирала, обтирала, ужасно беспокоила и раздражала ее. Удивительно была ее смирение, терпение, умение держать себя в руках и не раздражаться. Ведь я лишала ее и той малой части комфорта, который дает больному покой. Прошло дней десять – и мы уже полусидим, пролежни ушли, отеков меньше, все меньше времени уходит на сон, все длительнее наше общение. Вот только теперь я стала понимать, что передо мной – владелица любимого мною Павловска, а также нелюбимого Мраморного дворца, в котором меня принимали в пионеры, расположенного рядом с институтом культуры, который я закончила.

Чтобы внести ложку меда в бочку рутинных процедур, я старалась разговорить мою подопечную. У Веры Константиновны была прекрасная память, сочетавшая знание и память чувств. Она помнила запахи окруженного хвойными парками Павловска, приморской Стрельны. Больше всего она любила Осташево, дорогое ей с детских лет свободной, лишенной условностей жизнью. На столике возле ее кровати всегда под рукой была открытка с изображением каких-то линиялых георгинов. Это было поздравление простых деревенских женщин из Осташево, изложенное в немудреных, сердечных словах. И подписи внизу были такие трогательные: Верушка, Веруня и кто-то еще. Княжна всем приходящим к ней показывала эту открытку, читала ее вслух. И это при той огромной корреспонденции, которую она получала со всех концов мира...

Болезнь потихоньку отступала, в том числе и заботами, и молитвами русской православной диаспоры. Веру Константиновну почитали, уважали и любили все – в том числе и не признающие титулования и сословности (но в душе ее большие приверженцы) американцы. Звонки, письма, газеты и журналы – все это нами просматривается и прочитывается. Зрение княжны было наследственно плохим, и к старости не улучшилось. Она читала через лупу, на 4-ех языках, признаваясь, что французский знает «слабовато». Больше всего ее радовали газета «Православная Русь», изучаемая от корки до корки, журналы «Кадетская переключка» и «Кадетское письмо».

Мне запомнился большой материал о святителе Иоанне Шанхайском (Сан-Францисском), которого как раз прославили. Я о нем ничего не слышала, и рассказы Веры Константиновны были чем-то совсем необычным. Все святые, которых я знала и почитала, были так далеки во времени и жили совсем другой жизнью. А владыка Иоанн не только беседовал с княжной, но и почитал ее отца, вспоминая свое кадетское детство... Вера Константиновна на мои расспросы твердо и серьезно заявила: «Да, он был святой и это чувствовалось»...

Многие нити тянулись из ее квартирki в Европу, Африку, Японию, Латинскую Америку, где жили и молились свято хранившие память о далекой родине, о Царской России рассеянные по земному шару русские... Такое же терпение и смирение в несении данного Богом креста проявляла и сама княжна. Однажды она подверглась страшному испытанию. Находясь в маленькой палате на двух человек в госпитале городка Няк, она чуть не погибла в пожаре. Ее пожилая соседка, любительница покурить в постели, выйдя в ванную, забыла на поролоновом матрасе свою сигарету. Вдобавок к едкому ядовитому дыму, загорелась легкая занавеска, разделяющая кровати. Сработала сигнализация. Все бросились искать источник огня. А княжна, лишенная возможности даже повернуться в постели, терпеливо сносила дым и жар...

После 10-минутной беготни я нашла ее на другом этаже – от копоти ставшей брюнеткой, с ярким румянцем на щеке, ближе к горевшей занавеске. Бордовая левая рука, несомненно, тоже свидетельствовала о серьезности ее положения. Держалась она молодцом, с юмором, на блестящем английском языке давала интервью репортерам местной газетки. Мое волнение и эмоции она остудила кратким: «Ну я же родилась в день святого Антипия, который и зубы мне сохранил, и от огня спас». Действительно, зубы у почти 90-летней княжны были не месте, а о чудесном спасении мощей святого Антипия в пожаре можно прочитать в Святцах.

Приведя ее в порядок, я поднялась на 4-ый этаж, полностью эвакуированный. Милая сестра-латиноамериканка, очевидно – верующая, отклеила бумажку с печатью на дверях палаты, провела меня внутрь и сказала: «Возьми эту Божию Матерь. Она ее спасла». На совершенно темных, покрытых жирной копотью стенах было одно пятно – ламинированная открытка с изображением Божией Матери. Я ее принесла в новую палату, протерла и укрепила над кроватью Веры Константиновны. Иногда я подходила к окну палаты, любуясь многоцветием осеннего городка, осененного золотыми куполами русской православной церкви Покрова Божией Матери. Эту церковь строил и служил здесь протоиерей Слободской – автор, пожалуй, лучшего учебника Закона Божиего, ныне известного и в России. Вера Константиновна расспрашивала меня, что я вижу. Как тут было не обратиться к стихам, к духовным стихам и даже романсам.

В своем памятовании Бога и святых Ею княжна не проявляла каких-либо привязанностей к той или иной иконе, почитая все и никогда не делая комментариев и прочих «дамских» реверансов. Все иконки – печатные, писанные, медальоны, значки – все почиталось ею одинаково: прекращались все разговоры, водворялось молчание, которое я не решалась нарушить...

Иногда наши немногословные беседы напоминали какую-то игру в перебрасывании друг другу отрывков стихов, песен, каких-то строчек непонятно откуда, но где-то прочитанных, нами перевернутых, но узнаваемых. Вера Константиновна иногда вспоминала две-три строчки из стихов отца, которого я ранее воспринимала как салонного поэта, певца цветов, закатов, ночей и ароматов. Я рассказывала Вере Константиновне, как одна моя пожилая родственница, обладавшая прекрасным контральто, шепотом расшифровывала мне две буквы в нотах: К. Р. Мне этот «великий князь» казался таким же отдаленным, как летописец Нестор. Произнесенные Верой Константиновной строчки стали звучать по-иному. Неожиданно для себя я стала замечать, что они, как в увеличительном стекле приближают ко мне какие-то библейские заповеди, строчки из Псалтыри. Оказалось, что К. Р. – глубокий духовный поэт, молитвенник и провидец...

Княжна Вера реже говорила об отце, о котором она оставила опубликованные воспоминания. Но мать она вспоминала с большим чувством любви, ощущения своей вины за недостаточное внимание к матери во время ее тяжелой онкологической болезни. Рак был причиной смерти и ее няни, верной Анны Шадовиц, также скончавшейся на руках княжны... Воспоминания о братьях были самые неожиданные. Иногда они обрывались молчанием, которое я боялась нарушить. Старшие – Гавриил и Иоанн, совсем взрослые, редко бывали с малышами. Братья были ее наставниками, командирами и непререкаемыми авторитетами. Она старалась подражать им: скакала верхом в мужском седле, вела военные действия, командуя деревенскими ребятами, увлекаясь морским делом. Сама манера общения княжны: краткие, энергичные фразы, взвешенные, обдуманые мнения, удаление от проблем, которые ей не знакомы, вне ее жизни, нежелание повторять чужие мнения – все это так нехарактерно для дамских бесед.

Больше всего она любила брата Константина, своего Крестного, который подарил ей Евангелие в бархатном переплете, сохранившееся в годы скитаний. Он и милый, добрый Игорь играли с ней, разговаривали и никогда не подсмеивались, как старшие.

Удивительна была ее непритязательность в быту. Ей, перенесшей сложную операцию желудка, пища, доставляемая с кухни, совершенно не подходила. Но она никогда не жаловалась. Мы сами варили для нее легкие супчики и каши, заваривали свежий чай и кофе, что вызывало ее смущение: «Голубушка, но ведь это очень дорого!». Я ее утешала: «Вы заслужили прожить финальную часть жизни в роскоши», подавая величественным жестом поднос с тощим бутербродом. Так же непритязательна она была в еде, в требованиях, предъявляемых к окружающим. Если была открыта форточка, и я, разгоряченная уборкой, не замечала, что княжне холодно, она никогда не попросит закрыть ее, только поеживается. Никогда не спросит – скоро ли обед, или почему я не подаю ужин, который, судя по запахам, давно готов. Она никогда ничего не просила, подчиняясь тому, что есть, терпя любые неудобства, громкие разговоры пришедших посторонних людей... Казалось бы, как трудно одинокому, больному и старому человеку в чужой стране, не имея подданства ни одного реально существующего государства, сохраняя верность Царской России. Но она не была одинока: духовенство, выпускники кадетских корпусов, бывшие военные, родственники и православные на всех континентах поддерживали ее.

Однажды Вера Константиновна получила письмо из Парижа, долго его читала, не выпуская из рук. На фотографии я увидела мужчину с добрым, открытым, совсем не европейским лицом, незащищенным взглядом, на фоне русских икон. «Это внук моего брата Иоанна, сын Екатерины, но они все не православные». Мои увещания о приоритете крови над вероисповедальными препятствиями заставляли нас из дня в день вернуться к этому письму. В конце концов, решено было написать письмо Джованни (Ивану). Это был настоящий подвиг. Несколько дней усаживались, привыкали сидеть подольше. Потом приспособивались писать вместе. И, в конце концов, маленькое письмо написала сама Вера Константиновна.

Продолжение было неожиданным. К нам нагрянули гости, совсем необычные. Красивая худощавая, с живыми южными глазами женщина, трудно назвать ее пожилой, с ней дочь, лет 40 и молодые, крепкие, красивые, полные жизни парни. Один – с большим гипсом на ноге, который было трудно совместить с нашими кроватями, каталками, и прочей недвижимостью. Это была дочь князя Иоанна Константиновича, Екатерина, родившаяся в Павловске 13/26 июля 1915 года, ее дочь и внуки. Гости сердечно, по-родственному старались поухаживать за Верой, все время интересовались, чем бы они могли помочь. Они закутали княжну в красивую русскую шаль, в которой позже я уговорила Веру Константиновну сфотографироваться.

Встреча была недолгой, потому что наш режим предполагал медицинские процедуры. Но мы долго жили этой встречей. Я радовалась, а княжна – печалилась, что потомки, как и мать, не православные, и она не может быть с ними в молитвенном общении. Сначала я не понимала ее скорби. Потом уже мне открылось, что большая часть ее жизни была заключена в молитве. Духовную жизнь человека, особенно другого, трудно раскрыть словами. Жизнь духа трудно поддается описанию, тем более – постороннего и мало что знающего о внутреннем молитвенном делании, об умной непрерывной молитве....

Все, что было связано с кадетами и памятью русских воинов глубоко сердечно интересовало ее. Интересовало не фактами и именами, а той молитвенной, духовной, обрядовой памятью, которую она видела и чувствовала, встречаясь с кадетами, даже с их сыновьями, внуками. Книжный шкаф в коридоре был отведен книгам и журналам, подчас рукописным, которые были изданы за рубежом, подчас в очень сложных условиях быта. На эту тему мы не откровенничали, но я видела ее фотографии – единственной женщины – в весьма представительных компаниях явно бывших военных: на дружеских встречах, у братских могил, на Панихидах. Она всегда занимала место в центре, рядом с митрополитом РПЦЗ Анастасием (Грибановским), близким к Константиновичам своим участием в благотворительных делах.

Ко всем она относилась дружелюбно, неліцеприятно, без всякой сусальности, но очень внимательно. Я думаю, что многие ее собеседники, публикуя воспоминания о княжне Вере, опускали что-то очень важное, но трудноуловимое. Ее спокойное, лишенное эмоциональной окраски восприятие некоторых вещей удивляло. ...

В комнатах Веры Константиновны были самые простые иконы, подчас просто типографской печати. Святой Иоанн Кронштадтский, почти ежемесячно навещавший их семью, братья-мученики: князя Иоанн, Игорь, Константин. Царская семья, с младшим поколением которой она играла, переписывалась, жила в их дворце во время отсутствия родителей. С Царевичем Алексеем они были почти сверстники, любила и хорошо помнила Анастасию. Рассказывая о своем участии в обличении самозванки, княжна удивлялась внешнему ее сходству с Царевной-Мученицей. Она была уверена, что кто-то из ближнего окружения Царской Семьи участвовал в обучении этой несчастной женщины, которая упоминала многие подробности. Но, конечно, всему заочно обучить было нельзя. Вера Константиновна на встречу с ней принесла ленточку от бескозырки Царевича, которую держала в руках. Самозванка никак на нее не реагировала, хотя «вспоминала» какие-то события. Когда Вера прямо спросила: «Как ты думаешь, что мне сделать с этой ленточкой, не помню, откуда она у меня?», несчастная обманщица не смогла сказать ничего вразумительного. Ее не научили. Вера Константиновна ее жалела, считая больной, вовлеченной в аферу женщиной.

Она очень любила Государыню, свою Крестную, которая, несмотря на недомогание, лично присутствовала на ее крестинах, когда старенький священник протопресвитер ее чуть не утопил в купели. Александра Федоровна постоянно интересовалась «малыми» интересами крестницы, писала ей письма, навещала, не забывала о подарках и угощении, которое в семье Константиновичей было весьма редким. Взрослые питались так, как это получалось, частые посты, а также церемониал подачи блюд от старших к младшим приводил к тому, что когда наконец, приносили Верочке, старшие уже расправились со своей порцией и слуги все быстро уносили. Сочувствовавший малышам камердинер Селезнев, начинавший службу еще у молодого великого князя, потихоньку угощал припасенными сладостями, клубникой, баранками. Дети иногда сами готовили на игрушечной кухоньке, но перекусывание и еда не за столом не приветствовались. Вера Константиновна призналась, что среди такого обилия прислуги никто не думал о детском питании, и она с братом Георгием частенько были просто голодны. Пища готовилась в другом корпусе, доставлялась издалека, накрывалась на стол в сложном ритуале, на дорогой посуде, но часто была просто несъедобна для детей. Дети в семье Романовых должны были привыкать терпеть все сложные условия приемов, церковных праздников, долгих поездок, шествий под палящим солнцем или дождем, перемещений в толпе и в давке, ношения не слишком удобной одежды, положенной по протоколу...

Ее духовный отец – митрополит Анастасий (Грибановский) был редким молитвенником, хранителем традиции духовного делания. Он не благословил княжну ни на брак с потомком немецкого императора, который к ней усиленно сватался, ни на брак с русским офицером, к которому Вера чувствовала расположение. Она сама рассказывала, что ее послушание было во благо, как и ее девство. Я, рассуждавшая по иным меркам, сокрушалась ее одиночеству, отсутствию детей, которые могли бы продолжить династию. Она гордилась тем, что сохранила то звание, которое ей было дано Богом – княжна крови Императорской, единственная из всех Романовых. Она знала языки, была умна и энергична. Но не стала ни переводчиком, ни врачом, ни фотографом или просто женой и матерью...

*Ганф Татьяна Иннокентьевна
(Санкт-Петербург, 2016 г.)*

Кадетское письмо № 92. Буэнос-Айрес, июнь 2016 г. XXI год издания.

Бюллетень русских зарубежных кадет. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса. Не издавался с 1961 года. С 1995 года выходит под новой нумерацией. **Издатель и редактор:** Игорь Андрушкевич, <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>
Выходит на правах рукописи. При использовании материалов, ссылка на источник обязательна.
Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com